

шихъ кустарей-сапожниковъ скоро были выбиты со многихъ крупныхъ рынковъ Украины, и цѣна на нихъ значительно понизилась.

Это обстоятельство повлекло за собою коренное измѣненіе въ существовавшей организаціи производства. Крупные капиталисты — подрядчики, ворочавшіе прежде всѣмъ производствомъ и державшіе въ немъ постоянно по 10—30 тыс. руб., бросили это занятіе и взялись за коммерческія предпріятія другаго рода: обратили свои капиталы въ хлѣбную и земельную торговлю, такъ какъ это оказалось въ настоящее время гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ торговля кожевенно-сапожнымъ товаромъ. Такимъ образомъ *крупные капиталы совершенно отхлынули отъ производства*, и капиталистическая организація промысла рухнула окончательно. Характеръ „подряда“, правда, сохранился въ нѣкоторыхъ стадіяхъ производства и до сихъ поръ, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, но подряды эти очень мелки и не имѣютъ того рѣшающаго значенія въ промыслѣ, какимъ они пользовались во времена оны. На мѣсто крупныхъ капиталистовъ — подрядчиковъ остались теперь мелкіе скупщики, забирающіе готовый товаръ у производителей; каждый изъ этихъ скупщиковъ имѣетъ оборотнаго капитала не болѣе 500—2000 руб. О крупныхъ же воротилахъ, пускавшихъ нѣкогда въ оборотъ десятки тысячъ рублей сохранились здѣсь лишь одни воспоминанія.

Если такой ударъ былъ нанесенъ новыми условіями жизни *капиталу*, то не менѣе гибельно отразились эти новыя условія и на *трудѣ*, на положеніи самихъ кустарей-производителей. Уменьшеніе спроса на издѣлія и пониженіе цѣны на нихъ вызвали ответственное уменьшеніе годоваго заработка производителя, тяжело отозвавшееся на экономическомъ положеніи нашихъ слободскихъ крестьянъ. Разница между капиталомъ и трудомъ въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, что капиталы могли легко развязаться съ производствомъ, разорвать съ нимъ совершенно всякую связь и найти себѣ приложение въ иной сферѣ, тогда какъ труду сдѣлать это было совсѣмъ не такъ просто и легко. Однако, по прошествіи нѣкотораго

времени, рабочіе-производители должны были убѣдиться, что оставаться при старомъ порядкѣ долѣе рѣшительно невозможно, что нужно искать какого нибудь выхода изъ этого положенія, въ какое внезапно поставили ихъ новыя условія жизни. И вотъ мы видимъ, что съ конца 60-хъ годовъ начинается усиленная эмиграція нашихъ кустарей-слобожанъ къ южной окраинѣ — въ губерніи Екатеринославскую, Таврическую, Землю В. Донскаго, Бессарабскую область etc. Явленіе это особенно замѣтно въ главномъ центрѣ кожевенно-сапожнаго производства — сл. Великой-Михайловкѣ. Здѣсь переписью нашей зарегистрировано *около 300 семей*, выселившихся въ разные города и большія, торговыя мѣстечки южной Россіи. Громадное большинство этихъ выселенцевъ принадлежитъ къ категоріи сапожниковъ, ушедшихъ отсюда вслѣдствіе невозможности кормиться на родинѣ отъ своего промысла. Выселяются они всѣ не „на землю“ — отъ сохи и бороны они давно уже отвыкли, — а „съ промышленной цѣлью“, каждый по своему мастерству; потому они и селятся въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ спроса на ихъ трудъ во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ въ деревнѣ. На новыхъ мѣстахъ они пристраиваются частію къ крупнымъ сапожнымъ мастерскимъ, а тѣ, у кого найдется нѣсколько рублей „для оборота“, начинаютъ прямо работать отъ себя, по заказамъ потребителей. Результатомъ всего этого естественно явилось уменьшеніе абсолютнаго количества сапожниковъ-производителей по всему указанному району. По общимъ отзывамъ крестьянъ, число ихъ въ прежнее время повсемѣстно было больше, чѣмъ теперь. Въ Ольшанкѣ, относительно которой мы имѣемъ болѣе или менѣе точныя цифры въ цитированномъ уже нами описаніи свящ. Л.-каго, въ концѣ 50-хъ годовъ кожевенно-сапожнымъ производствомъ занималось 508 семей, тогда какъ въ настоящее время производителей здѣсь насчитывается всего 230 семей, остальные же всѣ по большей части повыселились и разбрелись по южнымъ городамъ.

Съ другой стороны, значительная часть производителей, изъ числа оставшихся дома, должны были взяться за другіе сторонніе